

Н. НОСОВ

Шурик у дедушки

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Н. НОСОВ

Мурик у дедушки

Рисунки И. Семенова

Издательство "Детская литература"
Москва - 1964

Я схватил удочку, а он тоже вцепился в неё и давай отнимать. Я рассердился, как дёрну... Он отлетел в сторону и чуть не упал. Потом говорит:

— Подумаешь, очень нужна мне твоя удочка! У меня есть галюша.

— Вот и целуйся со своей галюшей, — говорю я, — а удочку нечего рвать из рук.

Я отыскал в сарае лопату и пошёл копать червей, чтобы ловить рыбу, а Шурик пошёл к бабушке и стал просить у неё спички.

— Зачем тебе спички? — спрашивает бабушка.

— Я, — говорю, — разведу во дворе костёр, сверху положу галюшу, галюша расплавится, и из неё получится резина.

— Ещё чего выдумал! — замахала руками бабушка. — Ты тут и дом весь спалишь со своим баловством. Нет, голубчик,

и не проси. Что это ещё за игрушки с огнём? И слушать ничего не желаю.

Тогда Шурик взял деревянную ручку, которую нашёл в сарае, привязал к ней верёвку, а к другому концу верёвки привязал галюшу. Ходит по двору, верёвку за ручку держит, а галюша за ним по земле ездит. Куда он — туда и она. Подошёл ко мне, увидел, что я червей копаю, и говорит:

— Можешь не стараться. Всё равно ничего не поймаешь.

— Это почему? — спрашиваю.

— Я заколдую рыбу.

— Пожалуйста, — говорю, — колдуй на здоровье.

Я накопал червей, сложил их в коробочку и поскорее пошёл к пруду.

Пруд был позади двора — там, где колхозный огород начинается. Насадил я на крючок червяка, уселся на берегу и забросил

удочку. Силу и за ниптанком глыбу. А Шурин подкрасился глиной и давай причать во всё горло:

*Колдуй, баба, колдуй, дед,
Колдуй, серебряный медведь!*

Я решил молчать и ничего не говорить, потому что с ним всегда так: если скажешь что-нибудь, ещё хуже будет.

Наконец он наколдовался, бросил в пруд галюну и стал её по воде на верёвке таскать. Потом придумал такую вещь: бросит галюну на середину пруда и давай в неё камнями швырять, пока не утопит, а потом начинает её со дна на верёвке вытягивать.

И сначала молча терпел, а потом как не вытерпел.

— Пошёл вам отсюда! — кричу. — Ты распугал мне всю рыбу!

А он говорит:

— Всё равно не поймаете: заколдована рыба.

И опять шлюх галюну на середину пруда! Я вскочил, схватил палку — и к нему. Он давай удирать, а галюна за ним на верёвке так и скачет. Еле убежал от меня.

Вернулся я к пруду и стал снова рыбу ловить. Ловил, ловил... Уже солнышко высоко поднялось, а я всё сижу да на поплавочек гляжу. Не клюёт рыба, хоть тресни! На Шуриную злюсь, прямо избить готов. Не то чтоб я в его колдовство поверил, а знаю, что, если приду без рыбы, смеяться будет. Уж чего я не делал: и подалее от берега забрасывал удочку и поближе, и поглубже крючок опускал — ничего не выходит.

Захотелось мне есть, пошёл я домой. Вдруг слышу — кто-то к воротам колотит.

Бум-бум! Бах-бах!

Подхожу к воротам, смотрю, а это Шурик. Достал где-то молоток, гвозди и прибивает к калитке дверную ручку.

— Это ты для чего прибиваешь? — спрашиваю.

Он увидел меня, обрадовался:

— Хи-хи-хи! Рыболов пришёл! Где же твоё рыба?

Я говорю:

— Ты зачем прибиваешь ручку? Здесь же есть одна ручка.

— Ничего, — говорит, — пусть будет две. Вдруг одна оторвётся.

Прибил ручку, и ещё у него один гвоздь остался. Он долго думал, что с этим гвоздём делать, хотел его просто в калитку загнать, потом придумал: приложил галошу подошвой к калитке и стал её гвоздём приколачивать.

— А это для чего? — спрашиваю.

— Так просто.

— Просто глупо, — говорю я.

Вдруг смотрим, дедушка с работы идёт. Шурик испугался, давай отрывать галошу, а она не отрывается. Тогда он стал, загородил галошу спиной и стоит.

Дедушка подошёл и говорит:

— Вот молодцы, ребятки! Только приехали — и за работу. Кто это придумал к калитке вторую ручку прибить?

— Это, — говорю, — Шурик.

Дедушка только кивнул.

— Ну что ж, — говорят, — теперь у нас две ручки будет — сверху и снизу. Вдруг какой-нибудь коротенький человек придёт. До верхней ручки ему не дотянуться, так он до нижней дотянется.

Тут дедушка заметил галюшу:

— А это ещё что?

Я так и фыркнул. Ну, думаю, сейчас Шурику от дедушки будет! Шурик покраснел, сам не знает, что отвечать.

А дедушка говорит:

— Это что ж? Это, наверно, всё равно что ящик для писем. Придёт почтальон, увидит, что дома никого нет, сунет письмо в галюшу и пойдёт дальше. Очень остроумно.

— Это я сам придумал! — похвастался Шурик.

— Да ну это?

— Честное слово!

— Ну молодец, — развёл руками дедушка.

За обедом дедушка всё разводил руками и рассказывал бабушке про эту галюшу:

— Понимаешь, какой остроумный ребёнок! До чего сам додумался, ты не поверишь даже! Понимаешь, галюшу и калитку, а? Я давно говорю, что надо ящик для писем прибавить, а того и не сообразить мне, что проще галюшу.

— Ладно уж, — усмехнулась бабушка. — И куплю ящик, а пока пусть повисит галюша.

После обеда Шурик побегал в сад, а дедушка говорит:

— Ну, Шурик у нас уже отличился, а ты, Николаша, тоже небось что-нибудь наработал. Ты уж признавайся, порадуешь дедушку.

— Я, — говорю, — ловил рыбу, да рыба не ловится.

— А ты где ловил?

— В пруду.

— А, — протянул дедушка, — какая же тут рыба? Этот пруд недавно вырыли. Тут даже лягушки ещё не развелись. А ты, голубчик, не поленись, пойдёшь на речку. Там у мостика течение быстрое. На этой быстринке и лови.

Дедушка ушёл на работу, а я взял удочку и говорю Шурику:

— Пойдём на реку, будем вместе рыбу ловить.

— Ага, — говорит, — испугался! Теперь подлизываешься!

— Зачем мне подлизываться?

— А чтоб я не колдовал больше.

— Колдуй, — говорю, — пожалуйста.

Взял я коробку с червями, банку из-под варенья, чтоб было куда рыбу сажать, и пошёл.

А Шурик сзади поплёлся.

Пришли на реку. И пристроились на берегу, недалеко от моста, где течение побыстрее, и забросил удочку.

А Шурик толчется возле меня и всё бормочет:

Колдуй, баба, колдуй, дед.
Колдуй, серебряный медведь!

Помолчит чуточку; помолчит, а потом снова:

Колдуй, баба, колдуй, дед...

Вдруг рыба как клонит, я как дерну удочку! Рыба сверкнула в воздухе, сорвалась с крючка, упала на берег и ну плясать возле самой воды.

Шурик как крикнет:
— Дери её!

Бросился к рыбе и давай ловить. Рыба по берегу скачет, а он прямо животом на неё бросается, никак поймать не может: чуть она не удрала обратно в реку.

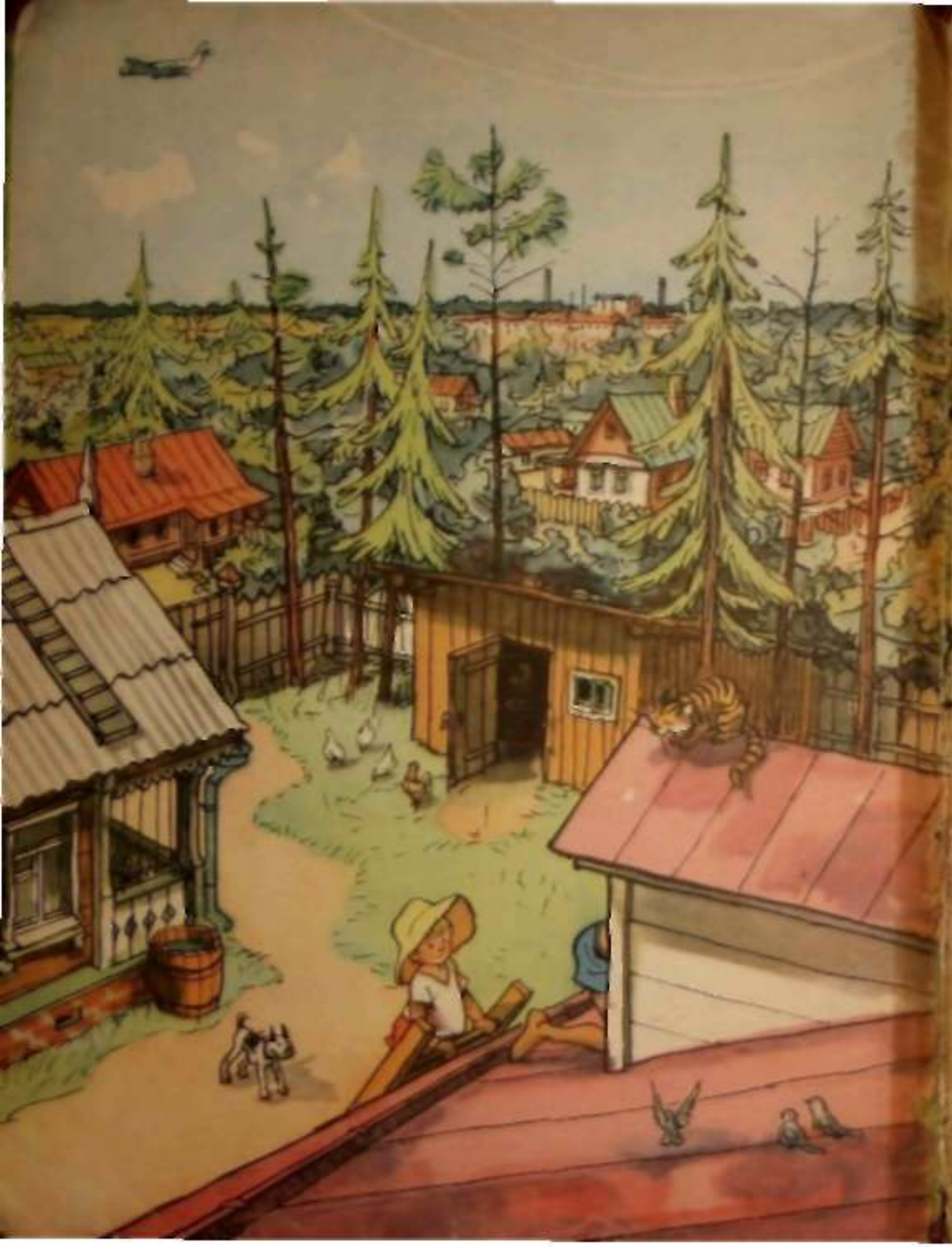
Наконец он её схватил. Я набрал в банку воды. Шурик пустил в неё рыбу и стал разглядывать.

— Это, — говорит, — окунь. Честное слово, окунь! Видишь, какие у него полоски. Чур, мой будет!

— Ладно, пусть будет твой. Мы ещё много наловим.

В этот день мы долго удили. Поймали шесть окуньков, четырёх пескарей и даже ёршика одного выудили.

Летом мы с Шуриком жили у дедушки. Шурик — это мой младший брат. Он ещё в школе не учится, а я уже в первый класс поступил. Только он всё равно меня не слушается. Ну и не надо! Когда мы приехали, так сейчас же обыскали весь двор, облазили все сараи и чердаки. Я нашёл стеклянную банку из-под варенья и круглую железную коробочку от гуталина. А Шурик нашёл старую дверную ручку и большую галошу на правую ногу. Потом мы чуть не подрались с ним на чердаке из-за удочки. Я первый увидел удочку и сказал:

— Чур, мой!

Шурик тоже увидел и давай кричать:

— Чур, мой! Чур, мой!

На обратном пути Шурик нес банку с рыбой и даже подержать не давал мне. Он был очень рад и совсем не огорчился, когда увидел, что его галоша исчезла, а вместо неё на калитке висит новенький голубой ящик для писем.

— Ну и пусть, — сказал он. — По-моему, ящик ещё даже лучше галоши.

Он махнул рукой и доскорей побегал показывать рыбу бабушке. Бабушка похвалила нас. А потом я ему сказал:

— Вот видишь, а ты колдовал! Ничего твоё колдовство не значит. Я в колдовство не верю.

— У! — сказал Шурик. — А я, думаешь, верю? Это одни только дикари верят да старенькие старушки.

Этим он очень насмешил бабушку, потому что бабушка хоть была старенькая, но тоже не верила в колдовство.

